

А. Тимофеев

Издательский дом «Новое литературное обозрение», Москва

**О незавидной судьбе «литургической драмы»
в артистическом кабаре
(житийный источник
«Комедии о Мартиниане» М. Кузмина)**

Помещаемое ниже небольшое разыскание о религиозном житийном фундаменте и краткой театральной истории «Комедии о Мартиниане» / «Сказания о Сильвиане» М. Кузмина находится в тесной и непосредственной связи с моей многолетней и более ранней работой о второй трилогии драматических опытов этого своеобразного художника слова («Комедии», 1909) и поэтому вынужденно пестрит отсылками к прежним моим печатным работам, в которых обрисована поэтика и представлена сценическая судьба всей трилогии.¹ Восходит оно к диссертационному исследованию, в соответствующей главе которого я во многом следую собственному изложению, почерпнутому из дипломного сочинения — машинописи ««Комедии» М. А. Кузмина и их источники. Механизм межтекстовых взаимосвязей» (Л., 1983; экземпляр из архива автора).²

Еще в студенческие годы мне довелось наблюдать, что восприятие трех «комедий» Кузмина современными ему критиками было, если вынести за скобки пару примечательных исключений,³ весьма и весьма поверхностным, а литературо- и театроведческий интерес к ним в советский период — ничтожным, особенно на фоне довольно многочисленных исследований, в которых затрагивались «Лирические драмы» равновеликого современника Кузмина — Александра Блока. Строго говоря, даже сейчас, после публикации вышеперечисленных трудов, посвященных специально «комедиям» и, шире,

всему театру Кузмина, — представление о маргинальности этого драматурга в истории русского театра по-прежнему сохраняется «по умолчанию».

Все три пьесы миниатюрного сборника Кузмина 1909 года: «Комедия о Евдокии из Гелиополя», «Комедия о Алексее человеке Божьем» и «Комедия о Мартиниане» — оставались в тени не только при жизни их сочинителя (не имели позднейших переизданий и воплотились на сцене считанные разы), причем «Комедия о Алексее человеке Божьем» и «Комедия о Мартиниане» подвергалась ограничениям со стороны драматической цензуры.⁴ К сожалению, даже в нынешние времена, уже после защиты PhD диссертации, автору настоящего разыскания не удалось напечатать перечни цитирований Кузминым житийных текстов в двух «комедиях» из общего числа трех. Ответственный редактор «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы», куда он предложил поместить главу своей диссертации «“Комедии о святых” М. Кузмина (1907): источники текста», попросила ограничиться цитированиями одной только «Комедии о Алексее человеке Божьем», лишив исследование задуманной цельности и того самого единства теории и практики, которое является столь желательным в источниковедческой диссертации.

Поэтому выяснение религиозных, житийно-повествовательных оснований «Комедии о Евдокии из Гелиополя» и «Комедии о Мартиниане» и по сей день остается не менее важным, нежели уже состоявшееся знакомство с принципами трансформации Кузминым житийного текста в «Комедии о Алексее человеке Божьем» и ее житием-источником в редакции св. Димитрия Ростовского.⁵

В случае «Комедии о Мартиниане» знание ее источника — жития подвижника V века Мартиниана Кесарийского (Палестинского) в редакции Четых Минея св. Димитрия Ростовского — проливает свет на сугубо цензурные, религиозно-охранительные причины появления усеченной ее версии, «Сказания о Сильвиане»,⁶ представленной как первая часть юбилейного спектакля в артистическом кабаре «Привал комедиантов» 29 октября 1916 года, который был посвящен десятилетию литературной деятельности Кузмина.⁷ Собственно, это и была единственная постановка третьей «комедии», на осуществление которой ее автор надеялся с ноября 1907 года.⁸ Ради

появления на камерной сцене истории посвятившего себя служению Богу девственного Мартинаиана понадобилось не только новое сценическое имя Сильвиан, но и дополнительные (пусть и немногие) уступки цензуре: слово «монах» было везде замещено словом «странник», удалены первые две ремарки и первая реплика Дьявола («Какая скука быть приставлену к монахам...»).⁹ Поставил «Сказание о Сильвиане» Н. В. Петров (Коля Петер), декорации написал художник Н. И. Альтман.

Рецензент журнала «Аполлон» Вл. Н. Соловьев, справедливо игнорируя вымышленного Сильвиана, определил «комедии» Кузмина, собранные в вышеупомянутом «томике», как «трагически запоздалую попытку создать в наши дни театр литургической драмы».¹⁰

Несмотря на неизбежную ассоциацию с драматическими опытами Блока — «лирическими драмами», более удачное и адекватное определение тому, что сотворил Кузмин, еще не столкнувшись с препятствиями со стороны драматической цензуры, было бы подобрать трудно — если б только не одно «но». Именно в «комедиях» у Кузмина уже явно намечается отход «от ретроспективизма¹¹ и стилизации, понимаемой им как “перенесение своего замысла в известную эпоху и облечение его в *точную литературную форму данного времени*”¹² (“О прекрасной ясности. Заметки о прозе”; 1909; публ. 1910)».¹³ Поэтому остается лишь повторить, что «Кузмина — автора комедий интересуют именно детали *конкретного* текста, определенной редакции жития. Определенной, конечно, не в смысле сопоставления или противопоставления ее — иным редакциям, но как основного источника приобретения деталей <...>. Целью введения таких художественных деталей в новый текст является, с одной стороны, создание реального исторического колорита представляемой автором эпохи, а с другой, придание им современного, живого звучания в окружении заново, уже без всякой цитатной связи с житием-источником, сочиненного текста».¹⁴ Таким образом, определенная редакция жития не становится у Кузмина-драматурга объектом подражания, но используется «ради отталкивания, переосмысления, перекодировки».¹⁵

Как бы то ни было, и степень кощунственности, и долю лиричности, и частное впечатление «литургичности» «Комедии о Мартинаиане» удобнее всего оценивать при наблюдении цитирований житийного текста.

Ниже приводятся, как правило, достаточно крупные фрагменты сопоставляемых текстов; совпадения с житийным текстом выделяются в выписках из «Комедии о Мартиниане» курсивом. Ссылки на издания и названия сопоставляемых текстов даются сокращенно: 1) К. — Кузмин М. Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане. СПб.: Изд-во «Оры», 1908 (обл. 1909); 2) ЧМДР. Февр. — [*Св. Димитрий Ростовский*]. Четьи Минеи. Февр. [Изд. 8-е]. М.: Синодальная тип., 1897. (Специально для настоящей публикации сверено и доработано по репринтному изданию: [*Св. Димитрий Ростовский*]. Жития святых: дек.–февр. Тутаев: Православное братство святых князей Бориса и Глеба, 2001. С. 910–921). При необходимости интересующиеся могут обратиться и к дополняющей настоящее разыскание моей публикации выписок к «Комедии о Мартиниане» и ее плана,¹⁶ извлеченных из рабочей тетради Кузмина 1900-х годов.¹⁷

Цитирования

1. К. С. 92 (авторская ремарка).

Действие *близ Кесарии Палестинской*; на диком острове среди моря; в монастыре на берегу моря.

ЧМДР. Февр.

Близ града Кесарии Палестинския гора есть, Ковчезное место зовомая, в нейже мнози пустынножители подвизашася: в той бе блаженный и достохвальный инок, Божественныя благодати исполненный, святыи Мартиниан, иже из детска иноческому добре обучися житию: из млада бо Бога возлюбив, в великий вниде подвиг, на врага ополчася.

2. К. С. 93–94.

ДЬЯВОЛ:

Какая скука быть приставлену к монахам,
Таким как Мартиньян!
Не я ль смущал его, взметнувшись черным прахом,
Тогда как он стоял с говением и страхом,
Молитвословьем пьян?

*Не я ль пугал его, вивась змеєю длинной
По солнечным пескам?
Скакал пред ним не я ль вдруг пляскою бесчинной?
Но он стоял как столб, одетый лишь овчиной? —
Слепой к моим скачкам...
Ночами насылал соблазны и виденья —
Томления провал, —
Щитом надежным взял он пост, молитву, бденья
И, крик мой заглушив, псалмов протяжных пенья
Он все не прерывал.
Теперь я новый меч достал себе для боя:
Посмотрим, чья возьмет!
Пошлю, как он уснет, ослабленный от зноя,
Живою на него свою служанку Зою, —
И вот она идет.*

ЧМДР. Февр.

Ненавидяй же рода человеческого враг диавол, не стерпе зрети юнаго инока, имущаго седину добродетель, первее убо нача ему различная наносити искушения, и многообразными привидении устрашати его, таже употреби на него древняго оружия, имже Адама изгна из рая, хотя и сего аки из рая от безмолвнаго пустыннаго изгнати жития, и от добраго намерения воспятити. Во един убо от дней поющу блаженному Мартиниану псалтирь, преобразися диавол в великаго змиа, и подлезши под стену келлии, нача копати прилежно землю, аки бы хотящи, подкопавши стену, обвалити келлию на святаго. Блаженный же без страха и смущения скончав пение, причиче оконцем из келлии, и глагола ко оному змию: воистину прилично ти есть по земли ползати: но почто всеу трудишися, о окаянне! мене бо твоя не устрашат привидения: понеже имам Господа моего Иисуса Христа помогающаго ми, и побеждающаго твоя страшилища, и попирающаго твою силу. Диавол же сия слышав, преложися в мрачный вихорь, и бежащи глаголаше: пожди, пожди, вем, како низложу тя: обретох бо на тя хитрость, еюже аки пленника восхищу тя, и отщету ты надежды твоя, и таково нанесу на тя искушение, каковаго ты понести не возможеш, и из келлии твоя иждену тя, и низрину тя аки лист ветром носимый, тогда узрю, кто поможет тебе; сия рекши, диавол исчезе от него. Крепкий же муж Мартиниан святой толь в себе мирен и небоязнен, аки бы никоегоже видел страшилища, но веселяшеса и хваля-

ше Бога, упражняясь Богомышлением и разумением Божественных словес в чтении книжном. Случися же посем вещь сицевая: ходящим неким человеком в Кесарийском граде, и беседующим с собою о добродетельном житии блаженного Мартиниана, и попремногу чудящимся мужеству его терпению: жена же некая блудница слышавши словеса их, наущаема диаволом, приступи к ним глаголющи: кто есть той, емуже вы чудитесь; и кая суть исправления его и каковое его житие; егоже аще восхощу, аки лист от древа оттрясу: кое есть его начинание похваления достойное; сие ли, яко затворися аки некий зверь в пустыни, не могый стерпети во граде плотских похотей и соблазнов; кое есть сие чудо, яко пребывает безстрастен; ибо не видит жены никогдаже. Весте же вси, яко огню не сущу, не горит сено, но аще бы сено при огни было положено и не возгорелось бы, то бы было велико и удивления достойно: сие и о нем рещи подобает, аще аз иду к нему, и узрит мя, и от предложения своего не подвигнется, ни соблазнится на мя, ни восхитится его помысл на красоту и доброту мою: тогда будет дивен не точию у человек, но и у самага Бога и аггелов его.

3. К. С. 94–95.

зоя:

Это и есть берлога?

1-ый слуга:

Да, да. Не вернуться ли тебе, госпожа? Он — груб, а *ночь темна и грозит бурю*.

зоя:

Ты рассуждаешь, как не имеющий понятия о чести. *Что же, я втуне предпринимала этот путь? Я побилась об заклад, что он не устоит, и не вернусь раньше, чем не исполню клятвы*. Вы всё захватили, что я велела?

2-ой слуга:

Вот *мешок*. Два покрывала.

зоя:

Полосатые?

2-ой слуга:

Да, оранжевые с черным. Золотой пояс, *серьги*, запястья с крыльями Правды, нежные браслеты.

зоя:

Да. Амулет к поясу и *кольца*?

2-ой СЛУГА:

Прости, госпожа, я оставил дома подвеску.

ЧМДР. Февр.

Сия рекши <см. выше. — *А. Т.*>, и с мужи теми о вещи сей залог сотворивши, иде в дом свой, и совлекшись блуднических украшений своих, облечеса в худыя раздранныя одежды, и рубище ветхое на главу свою возложи, и споясася вервию, и взявши пиру <мешец (помета на полях издания). — *А. Т.*>, вложи в ню всю утварь свою красную, одежды многоценныя, усерязи, и перстни златыя, и мониста, и ино все, еже прельщает очеса и ум юных, и в вечер изыде из града, и прииде нощию в гору ону пустынную, в нейже живяше преподобный, ветр же бурен и дождь велий тоя нощи бяше.

4. К. С. 96–97.

Зоя стучится в дверь Мартиньяна и громко *стонет*.

МАРТИНЬЯН:

Кто там?

Зоя *стонет* громче.

Кто *стонет* у моего порога?

Зоя:

Женщина, женщина *умоляет тебя, отец, дать ей приют*.

МАРТИНЬЯН:

Ты ошиблась, голубушка, дверями: это — келья, а не веселая гостиница. Куда я тебя дену?

Зоя:

Сжалься. Только на одну ночь.

МАРТИНЬЯН:

То-то и плохо, что на ночь.

Зоя:

О! *слышишь вдали рыканье льва, дальний гром?* Я не могу идти далее, мои ноги в крови. Не уподобляйся выгнавшим меня из дому займодавцам! *Сжалься*.

ЧМДР. Февр.

Егда же приближися жена та к келлии Мартиниановой, нача умилненным гласом со стенанием молити святаго, глаголющи: помилуй мя рабе Божий, и не остави ми окаянную на снедь зверем, заблудих бо от пути, и впадох в пустыню сию, и не вем, камо ити: не презри мя в толицей беде сущую, и не возгнушайся меня грешницы: ибо и аз есмь Божие создание, молю твою святыню, не отрини мене заблуждшую, честный и святыи отче. Та и множайшая глаголющей ей с плачем и стенанием, блаженный Мартиниан отверзе оконце свое, и приник, видев ю в таковом рубищном одеянии, дождем омоченную, подвижесе умом и рече в себе: люте мне окаянному грешнику, се ныне искушение предстоит ми, да или от заповеди Божия, милосердну быти повелевающия, или от иноческаго моего предложения и обета отпаду: аще бо жену сию в беде сущую в келлию не введу, зверие снесят ю, или от стужи великия умрет, то оскверню душу мою, буду бо яко убийца: аще же введу ю, боюся, да не искушен буду, и оскверню с душею и телом мое, и явлюся нечистый блудник пред Господом моим: не вем убо что сотворю, и простер руце свои на небо, рече <далее следует молитва Мартиниана. — А. Т.>.

5. К. С. 98–99.

МАРТИНЬЯН:

Ну, *входи*, пожалуй. Все равно *скоро вставать на псалмы*, ты не помешаешь. *Входи*, согрейся.

Отворяет дверь: внутри очаг.

зоя:

Да наградит тебя Небо. *Огонь!* Ах, как тепло! как я благодарна тебе! Ты — как брат мне. Какое у тебя доброе лицо!

МАРТИНЬЯН:

Скорее, *как отец*, скажи.

зоя:

Нет, нет: ты, наверное, моложе меня; загар и пост не скрывают твоей юности. *Сколько лет тебе?*

МАРТИНЬЯН:

Двадцать пять.

К. С. 100.

МАРТИНЬЯН:

Схожу, однако, принесу ей воды и фиников, пока спит.

ЧМДР. Февр.

Тако помолившеся, отверзе <Мартиниан> двери, и введе ю, и возгнетив огонь, повеле ей гретися, и принес финики, даде ей ясти, стояше бо два финика вне келлии его. И глагола к ней: жено яждь, и буди zde греяся, утре же иди с миром отсюду. И оставив ю во внешней клети, сам вниде во внутреннюю, и затвори двери. Пев же псалмы в третий час ночи, и помолився, почи на земли по обычаю <...>.

Красен же бе телом и млад, сый лет осминадесяти от рождения своего, остави град и живущыя в нем, и всю молву мирскую, и прииде в ту гору на безмолвное пустынное житие, и пребысть в ней двадесять и пять лет <то есть до сорока трех лет. — А. Т.>, житие имый аггельское <...>.

7. К. С. 101 (авторские ремарки).

<Мартиниан> уходит. Зоя открывает глаза, озирается, улыбаясь, и плещет в ладоши.

<Зоя> поспешно надевает поверх рубища роскошные прозрачные узоры и золото.

Мартиньян останавливается, войдя, в изумлении.

ЧМДР. Февр.

И оставив ю во внешней клети, сам вниде во внутреннюю, и затвори двери. Пев же псалмы в третий час ночи, и помолився, почи на земли по обычаю: в ту ночь возмути его сатана зело похотию плотскою, жена же в полунощи воставши, из'ят вся своя украшения из пиры <мешца (помета на полях издания). — А. Т.>, и украсися на прельщение святого, рубища же вложи в пиру, и ждаше, дондеже Мартиниан к ней изыдет. Бывшу же утру, изыде святой из внутреннего своей клети, хотя отпустить жену, да идет во своя си: и видев ю украшену, не позна ея, и ужасен быв, молчаше надолзе.

8. К. С. 101–103.

МАРТИНЬЯН:

Что это? кто еще сюда забрался? что за блудница пляшет у моего очага, где спит усталая женщина?

ЗОЯ:

Ты не узнаешь меня?

Мартиньян мой милый, погляди на меня:

Не узнал ты Зои, рабы твоей?

Не даришь привета, улыбки ей —

Без тебя постыло сиянье дня!

МАРТИНЬЯН:

Господи помилуй, да неужели это моя странница? *откуда ты взяла наряды-то?*

ЗОЯ:

Ах, не видишь, видно, ты моей красоты

И не веришь, верно, твоей младости

И не знаешь, знать, любви сладости, —

Что стоишь, не глядишь, будто каменный ты.

МАРТИНЬЯН:

Ты из ума выступила? что за речи ко мне? ты, верно, лунатик или припадочная?

ЗОЯ:

Не лунатик я, друг, не припадочная:

За любовью твоей и пришла сама,

Златым поясом препоясана,

Вся в огне, вся в любви, в бреду точно я.

МАРТИНЬЯН:

Женщина, перестань: или я уйду, или ты должна будешь оставить мою келью.

ЗОЯ:

Не гибко ль, не тонко ль тело мое?

Руки мои не лебединые ль?

Объятья мои не змеиные ль?

Жасминно тело, бело оно!

Мартиньян, Мартиньян, не уклоняйся! *Я — богата, я нарочно пришла за твоей любовью. Апостол благословляет брак. Ты — молод; твои губы — свежи! Патриархи: Енох, Авраам, Моисей, Давид — имели жен. Не двух ли жен и двух наложниц имел Иаков?* Полюби меня!

МАРТИНЬЯН:

Чур меня! чур меня!

ЧМДР. Февр.

Бывшу же утру, изыде святыи из внутренния своая клети, хотя отпустити жену, да идет во своя си: и видев ю украшену, не позна ея, и ужасен быв, молчаше надолзе. Таже рече к ней: кто еси ты; и откуда пришла еси; и кий сей на тебе бесовский образ; она же отвещавши, рече ему: аз есмь, господине мой. Глагола к ней святыи: и коея ради вины изменена еси одеянием твоим; яже бо в вечер была еси бедна, ныне еси горда. Она же рече: аз, господине мой, от Кесарии града Палестинскаго есмь, слышах же о юности твоей, и красоте телесной, и о толиком благолепии лица твоего, и возжжеся сердце мое зело желанием тебе, и приидох видети тя и насытитися красоты твоей: ибо не всуе толик под'ях путь, но нарочно тебе ради. Что же есть безгодное ваше воздержание, и чесо ради телеса ваша удручаєте зельным постом; кия глаголют книги, не ясти, ни пити, ниже законныя жены пояти; не рече ли Павел апостол, честна женитва и ложе нескверно; кто же от Пророк не сопряжеся жене, и наследник царствия небеснаго явися; Енох великий и дивный не женат ли быв, взят бысть на небо, и не виде смерти даже до сего дне; подобно и Авраам чудный не имел ли трех жен, и друг Божий наречеся, и самага Бога в триех лицах сподобися в сени своей пояти; Исаак не приобщился ли жене, и образ Христов бе; паки Иаков не имел ли двух жен и двух наложниц, и со Ангелом возможе братися, и Бога лицом к лицу виде; Моисей же великий, верховный Пророк и служитель Божий, не имел ли жены, и с Богом беседова, и род Еврейский от горькия работы Египетския свободи, и царствия небеснаго сподобися; такоже и Давид и прочии Пророцы, и святии мужи припрягшеся законней женитве, и чада родивше, в небесном царствии водворяются. Сиче глаголющи, и расслабляющи блаженнаго, и за руце его емлющи, смути благоую мысль его, и нача низвлачити его в пропасть погибельную. Отвеща же ей Мартиниан: аще ты пойму в жену, то камо поведу тя, и чем ты препитаю, ничтоже имый; аз бо, яко же видиши мое скудное житие, ничтоже стяжавая пожих вся дни живота моего даже доселе. Отвеща жена: господине мой, ты точию соизволи мне, и буди со мною, да насладуся доброты юности твоея, а о потребных к житию нашему

не пецыся: имам бо дом и имения, и злато и сребро, и рабы и рабыни, всему же тому владыку ты поставлю.

9. К. С. 104–105.

МАРТИНЬЯН:

Ослица бешеная, оставь меня! прочь, прочь! Господи, утиши бурю страсти моей!

Вскакивает на угли очага. Зоя смотрит.

зоя:

Что ты делаешь? ведь горячо же.

МАРТИНЬЯН:

От вашего брата и не на такую муку полезешь.

зоя:

Ты сожжешь ноги; сойди; я больше не буду, я обещаю.

МАРТИНЬЯН:

Не сойду, пока не совлечешься уборов.

зоя:

Вот они, вот они!

Раздевается.

Доволен ты? хочешь, чтобы я сбросила и рубище?

МАРТИНЬЯН:

Нет, уж, пожалуйста, не начинай новой сложности. Я думаю, ты можешь идти теперь домой, светло уже, а я примусь лечить свои ноги.

зоя:

Да.

ЧМДР. Февр.

Мартиниан, терзаемый похотью, выбирается на улицу с целью выяснить, не приближаются ли к келье какие-нибудь странники, ищущие его благословения. Если грех, к которому расположил себя Мартиниан, не сокрыть от Бога, то совершить его следует тайно от людей. Отшельник просит Зою несколько обождать.

И сие рек, изыде из келлии, и став на бывшем тамо высоком камени, смотряше на путь прилежно. Человеколюбивый же Бог, никому же погибели хотяя, не презре и его трудов от юности бывших, и не уничижи молитвы его, но поможет ему,

и преложи сердце его от помысла злаго на добрый: и сходя Мартиниан с камне, обрете сухо хврастие, и взем е внесе в келлию, и положи посреде, и возжже огнем. Велику же пламени бывшу, иззу сандалия своя, и вскочив в пламень, ста посреде огня, и нача все тело его опалатися. Ожегся же вельми, и возболев ногами, изыде из огня, и аки препираяся с собою глаголаше: что Мартиниане, добре ли прия тя огонь сей временный и сие лютое мучение; аще же можеш сие терпети, то и к жене сей приступи: та бо, паче же ея диавол, вечный тебе огонь ходатайствует.

Жена же видевше бывшее, и рассмотревши блаженного, како спасения ради своего огню предаде тело свое, прииде и та в память своих зод, и аки от сна от отчаяния своего воспряну, и совлекши одежды своя и вся утвари, вверже я во огонь, и паки рубища на ся приемши, паде при ногах блаженного Мартиниана, и нача со слезами вопити и глаголати: прости мя рабе Божий, окаянную и грешную, ты бо веси господине, яко многия суть козни и прелести диавольския, той и мене прельсти и наусти на тя. Но помолися за мя преподобне, да твоя ради молитвы спасена будет всегрешная душа моя: и сие да веси известно, о отче!

10. К. С. 105.

МАРТИНЬЯН:

...Я думаю, ты можешь идти теперь домой, светло уже, а я примусь лечить свои ноги.

Зоя:

Да.

МАРТИНЬЯН:

Если ты ищешь спасения души, обратись к матери Павлине в Вифлееме: там быстро обретают покой.

Зоя:

Очень мне нужен твой покой!

ЧМДР. Февр.

При виде Мартиниана, подвергающего свое тело испытанию огнем, Зоя открывает для себя новую истину душеспасенья. Она при-

знает, что действовала по наущению дьявола, и отныне стремится вести войну с врагом рода человеческого во имя Иисуса Христа.

Она же отвещавши глагола ему <Мартиниану. — *А. Т.*>: молюся ти, настави ми ко спасению, рцы, камо шедши могу спастися; он же глагола ей: иди в Вифлеем, и поищи святяга девицы, именованной Павлины, яже и церковь святую созда, и пришедши к ней, исповеждь ей вся случившаяся, и у нея можеш спастися. Жена же воставши поклонися ему, и рече: молися отче, за мя грешную.

11. К. С. 106 (авторская ремарка).

Пустынный остров *среди моря*.

ЧМДР. Февр. (описание острова, куда собирается отправиться Мартиниан, данное «кораблеником», соглашающимся перевезти его туда).

Есть место таково <т. е. вдали от суетного мира и соблазнов. — *А. Т.*>, но страшное, камень есть среде моря высок, с негоже невозможно отнюд видети суши земли.

Ср. также цитирование 13.

12. К. С. 106.

дьявол <о Мартиныяне>:
Сто шестьдесят четыре города
Обегал в две зимы;
Хотел бежать от плена женского,
Как пленник из тюрьмы.

ЧМДР. Февр.

Блаженный Мартиниан по седми месяцев едва исцелев от язва, яже ему бях от огненнаго жжения <...>

начинает размышлять о необходимости оставить прежнюю келью.

ЧМДР. Февр. (после бегства Мартиниана с пустынного острова).

В два же лета, бегая и гоня себе, пройде сто шестьдесят и четыре града, наконец прииде во Афины, и откровено бысть от Бога епископу Афинейскому все, еже о блаженном Мартинiane.

Вскоре после прибытия в Афины блаженный Мартиниан умирает — в церкви.

13. К. С. 106.

дьявол <о Мартиньяне>:
<...> Он *корабельником* отвозится
На остров, полный скал:
Найдет ли там успокоение,
Которого искал?

ЧМДР. Февр.

Дошед же пристанища, обрете некоего корабленика боящаяся Бога <...>.

Ср. также цитирование 11.

14. К. С. 106–107.

Связь стихотворного монолога Мартиньяна с текстом жития просматривается лишь в двух местах:

Далек соблазна, я живу близ моря <...>.

За крышу — небо, *воду* даст ручей,
Мне пища — *хлеб*, спокоен сон ночей <...>.

ЧМДР. Февр.

...иде <Мартиниан> путем к морю ведущим. Дошед же пристанища, обрете некоего корабленика боящаяся Бога, и приступив, глагола ему: брате, не веси ли какового острова мала негде среди моря, в немже никтоже пребывает; Корабленик же рече: чесо ради о сем вопрошаеши, или что хощеши; Блаженный же отвеща ему: удалитися хошу от мира суетнаго

и безмолвствовати, но не обретаю места, в немже бы ми почити и избегнути соблазнов вражиих. Он же рече: есть место таково, но страшное, камень есть среде моря высок, с негоже невозможно отнюд видети суши земли. Блаженный же отвеща: таково место zelo люблю, и желаю такового пребывания, к немуже не возможно было приити женскому полу. Рече ему корабленик: и откуду будеши имети препитание себе; Блаженный же рече: завет положу между мною и тобою, ты да приносиши ми пищу; аз же буду молитися к Богу за тя; еще же приноси ми ваиа финиковы, да делаю руками моими плетя; ты же будеши взимаючи продаяти рукоделие мое, и за то купуя хлеб приноситьи ми, такожде же и воду в сосуде: приходити же будеши на лето дважды или трижды, принося ми хлеб сух и воду. Сие слышав корабленик, разуме, яко духовен есть муж, и обещася все, еже повелит, творити. И вседши с ним в кораблец, отплы на то место: ветру убо добру дхнувшу, доидоша к вечеру до каменного того места».

«Блаженный <...> седяше на камени, дневным зноем жгомый, и ночным хладом померзаемый. Корабленик же во всяко лето дважды или трижды приношаше ему хлеб и воду, якоже заповеда ему блаженный.

15. К. С. 106–107.

МАТИНЬЯН:

Как тихо море после вчерашней бури, будто и не оно бесилось и неистовствовало ночью. Так и душа моя. <...>

ЧМДР. Февр.

И пребысть преподобный Мартиниан в том житии радуяся, яко почи избегши от мира, и хваляше Бога днем и ночью, и в Богомышлении непрестанном поучашеся. Пронырливый же бес ни тако преста воюя на праведнаго, но нача ему и тамо пакость творити: в едину бо ночь море воздвигнув и волны возмутив, показа ему воды, над главою его возносящяся яко на пятьнадесять лактей. И зываше диавол глаголя: се ныне утоплю тя Мартиниане. Он же без смятения рече: немощне, окаянне! Почто безумно трудишися; мене бо привидения твоя не устрашат, ни прещения твоя смятут мя: аз бо уповаю на Го-

спода моего Иисуса Христа, и тем до конца имам посрамить ты. <...> Тако святому глаголющу <молитву>, невидим бысть диавол. Блаженный же пребысть без вреда, и преживе на камени том шесть лет, всяку беду воздушную терпя спасения ради своего.

16. К. С. 106–108.

МАРТИНЬЯН:

...Но что это там белестся, будто человеческое тело? Ближе... ближе... так и есть. *Теперь я даже вижу серую облитую одежду и доску, за которую он держится руками. Верно, судно разбилось поблизости.* Какой-нибудь купец गया за прибылью, или любопытный юноша. Вот и прибыль, и познание, как рыбы поедают человеческие тела. А может быть, он — жив еще: его совсем близко прибило к берегу; он без бороды, волосы короткие. Пойду: или спасу; или погребу беднягу по-христиански.

К. С. 109.

МАРТИНЬЯН <к Левкадии>:

...Очнись, приди в себя: ты в безопасности. *Буря и мое не грозят тебе более.*

ЧМДР. Февр.

Во един от дней видево диавол на мори корабль пловущ, в немже бяху мужи и жены, возстани ветр и бурю на корабль той, и приразив его к некоему камению, разби той, и вся бывшая в корабли потопи. Едина же отроковица возможе похватити доску и приплыве на ней к камению оному, на немже седяше Мартиниан блаженный, и емшися девица та на камень, нача взывати: помилуй мя рабе Божий, и подаждь ми руку, и спаси мя от воды сея, и не остави мене погибнути в глубине сей.

17. К. С. 111.

МАРТИНЬЯН <узнав в Левкадии женщину>:

Женщина? Угодники! и здесь соблазн меня не покидает! Но поборюсь в последний раз. Слушай, девица или не девица, кто ты там есть, не может солома и огонь в одном быть месте, и потому ты или я должны покинуть этот остров.

ЛЕВКАДИЯ:

Куда же мы денемся с острова?

МАРТИНЬЯН:

Сегодня день, когда приезжает рыбак с пищей, и ты отправишься с ним к родителям, или куда хочешь.

ЛЕВКАДИЯ:

Никуда я не хочу, раз любовь погибла! Я тоже хочу быть отшельницей, оставь меня с собою!

ЧМДР. Февр.

И видел ю красну сущу, глагола к ней: воистинну не вместится сено с огнем вкупе, и несть возможно, да аз и ты пребудем вкупе. Буди убо ты zde и не бойся, имаши же хлеб и воду, да яси и пиеши, якоже аз, и имать тебе довлети, дондеже приидет семо корабленик, иже хлеб и воду приносит: еще бо два месяца суть до того времени, в неже он приидет семо, поведай же ему случившуюся вещь, и той изведет тя отсюду. Сие рекши святый, знамена море знамением крестным, глаголя: Господи Иисусе Христе, запретивый морю и ветром, слушающим тебе с трепетом, призри на мя, и не остави мене погибнути: се бо во имя твое ввергуся в море, лучше бо ми есть в воде умерети, нежели страстию телесною жене прилепитися, и обращя к девице рече: спасися девице, Бог же да сохранит душу твою от всех вражиих наветов, и соблюдет тя до конца.

18. К. С. 112–113.

ЛЕВКАДИЯ:

Останься, не бросай меня. Ты монах, ты спас меня раз, спаси еще раз, ты должен это сделать.

МАРТИНЬЯН:

В море лучше брошусь.

ЛЕВКАДИЯ:

Мне будет страшно, пожалей меня!

МАРТИНЬЯН:

Не подходи, не подходи: *еще шаг — и я брошусь, — верно тебе говорю.*

ЛЕВКАДИЯ:

Не шути так, не обижай меня, останься.

МАРТИНЬЯН:

Господи, Тебе предаюсь!

Бросается в море.

ЛЕВКАДИЯ:

Бросился? не может быть.

Смотрит со скалы вниз.

К. С. 116.

СТАРЫЙ <МОНАХ>:

Что мы можем знать о святости? Брат Мартиньян обладает большою силой, но ты не был здесь, когда *его дельфины вынесли к нам из моря.*

ЧМДР. Февр.

То рек, ввержеса в море и нача плыти. Абие же по смотрению Божию прияша его два делфина на хребты своя, и нешоша: девица же видящи его несома верху воды, смотряше на него, дондеже зайде от очес ея. И изнесен бысть делфинами теми на сухо.

19. К. С. 117.

СТАРЫЙ <МОНАХ>:

...Быстрые и послушные ноги имел он <Мартиньян. — А. Т.> в *благочестивых скитаниях*, неусыпающее и горящее сердце.

ЧМДР. Февр.

И глаголаши к себе: что сотворю, не вем, в горах бо и пустынях не оставляет мене диавольская неприязнь, се же и в мори не остави мене, и не вем, что сотворю. Прочее добро есть поучитися ми словесем евангельским, и творити я: учит бо Господь сице: егда гонят вы во граде сем, бегайте в другой, аминь бо глаголю вам, не имате скончате грады Израилевы. И сие рек, нача ходити от места на место, от града во град странствуя, и глаголя к себе: бегай Мартиниане, да ты не постигнет напасть, и тако бегая и гоня себе, скончааше дни своя.

20. К. С. 117.

МОЛОДОЙ <МОНАХ>:

На покинутом острове поселился другой отшельник?

СТАРЫЙ <МОНАХ>:

Там долго жил скопец; когда он умер, узнали, что то была женщина.

МОЛОДОЙ <МОНАХ>:

Как удивительно!

ЧМДР. Февр.

Встречаются мотивы получения мужской одежды девицей Фотинией и переодевания в нее. Ср.:

Но подобает нам и о отроковице оной, оставшейся на камени в мори, повествовати, како житие свое соверши, и каковую кончину получила: молитва бо о ней блаженного Мартиниана бысть не без успеха. Оставшия на камени оная девица, приемляше хлеб и воду, якоже заповеда ей Мартиниан блаженный. Корабленик же оный, иже к блаженному приносил хлеб и воду, по двух месяцев егда по обычаю кораблем приближися к камени, виде вместо инока девицу сидящу, и мнев быти привидение, убояся, и нача от камня плыти. Она же воззва, глаголющи: не бойся брате, жена есмь воистинну, и Христианья, приближися господине ко мне, да исповем ти вещь. Оному же не имущу ей веры и боящися, заклинаше его та глаголющи: тако ми Царя Христа, яко Христианья есмь, не бойся мене, но прииди близ, и скажу ти бывшее. Тогда человек оный пристав к камению кораблем, глагола к ней: где есть zde бывший черноризец, како и камо отсюду отиде; тебе же кто семо привезе и возведе на камень сей; девица же прекрестившися нача поведати бывшая. Он же вся слышав, удивляешся зело, и глагола к ней: гряди, да тя изведу отсюду, и пойдеси во град свой. Она же отвещавши глагола ему: ни, брате, молюся ти, не изводи мене отсюду, но сотвори со мною человеколюбие, и шед в весь, принеси ми одежду мужеску власяну, и хлеб, и воду, якоже блаженному отцу приносил еси, и воздаяние равное примеши от Владыки Христа: разнства бо у него мужеску полу и женску нет, якоже рече Апостол:

яко вси едино есте о Христе: не гнушайся убо мене грешные хотящая спастися.

Отшедшу же ему <корабленику. — А. Т.>, совлече с себе дева <Фотиния> женския одежды, купно отлагая и немощ женскую, и облечется в мужеское одеяние и мудрость, и мужественною препоясая силою, и помолися глаголющи: Господи Боже, послушавый всех от века святых твоих, послушай и мене грешную, и соверши на сем месте и в сем мужеском образе течение мое добре и не преткновенно, сохрани душу мою, утверди сердце мое, и крепко сотвори тело мое, и настави душу мою к благоугождению твоему, а иже ми послужат, сим даждь мзду достойную, яко благословен еси во веки, аминь.

21. К. С. 117 (авторская ремарка о появлении Зои в обители).

Зоя показывается из-за ограды.

К. С. 118.

молодой <МОНАХ>:

Откуда ты? не несешь ли ты розы в темном сосуде?

З о я:

Нет. У меня ничего нет в руках. *А пришла я из обители матери Павлины под Вифлеемом.* Зовут меня Зиновия, в миру же звалася я Зоей. Я — голодна и устала.

СТАРЫЙ <МОНАХ>:

Он даст тебе *хлеба и воды*, но прошу тебя, опустишь на землю, чтобы тебя не было видно. Здесь как раз келья отца Мартиньяна; он избегает вас.

К. С. 122.

зоя:

Ты <обращается к Мартиньяну. — А. Т.> сжег меня своею крепостью. Я бросила все, постриглась у матери Павлины, спасалась и думала все о тебе.

ЧМДР. Февр.

Она же <Зоя; имя Зиновия в тексте жития отсутствует. — А. Т.> идяше плачущи и молящися к Богу, да наставит ю на спасение: шедши же день, постиже ночь, и не возмогши прейти широты пустынныйя и долготы путныйя, пребысть на месте, на немже обвечере: завтра же вставши, паки грядяше рыдающе и молитву деюще, и другой день весь шедши, достиже Вифлеема в вечер зело глубок, и вниде в монастырь блаженныя девицы Павлины, и поклонившися исповеда той самой подробну все бывшее. <...>. ...блаженная Зоа дванадесять лет исполни в велицем покаянии <в монастыре>, и успе с миром о Господе. Во вся же лета обращения своего не пи вина, ни масла вкуси, ниже овощия яде, разве точию хлеб и воду, и то не до сытости: в вечер бо точию приимаше пищу, иногда же чрез два дни, а спание ея на голой земли. Таков бе подвиг святыя, и сицево скончание ея.

1983–2023.

¹ См.: Кузмин М. Театр. В четырех томах. В 2 кн. / Сост., [подгот. текста, ст. и коммент.] А. [Г.] Тимофеева; под ред. В. Маркова и Ж. Шерона. Т. IV: Дополнения. [Кн. 2]. [Oakland, Calif.], 1994 [1995]. С. 305–317. (Сер.: Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 31); Тимофеев А. Г. Рабочие тетради М. Кузмина как литературный и биографический источник: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. С. 7–9; Тимофеев А. Г. «Комедии о святых» М. Кузмина (1907): источники текста: (на материале «Комедии о Алексее человеке Божьем») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. / Редкол.: Т. Г. Иванова, Т. С. Царькова (отв. ред.) и др. СПб., 2007. С. 209–242.

² Защита состоялась на кафедре истории русской литературы Ленинградского университета, в то время — имени А. А. Жданова. Она предопределила целый сериал выпускных злоключений автора, значительно притормозивших обретение им прочных позиций в историко-литературном мире, и привела к медной истории вокруг блокировки его возможности свободного трудоустройства по университетской специальности.

³ Например, отзыв Блока о «Комедии о Евдокии из Гелиополя» в статье «О драме» (Золотое руно. 1907. № 7–9. С. 122–131); о Кузмине (см.: Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. Проза. 1903–1917. М.; Л., 1962. С. 183–184); оценка театроведом и режиссером Вл. Н. Соловьевым (1887–1941) издания «Комедий» Кузмина (Аполлон. 1916. № 9–10. Ноябрь–Декабрь. С. 93).

⁴ См.: Кузмин М. Театр. [Кн. 2]. С. 311; 315–317; Тимофеев А. Г. «Комедии о святых» М. Кузмина (1907): источники текста. С. 220–224.

⁵ Тимофеев А. Г. Рабочие тетради М. Кузмина как литературный и биографический источник. С. 7–9; Тимофеев А. Г. «Комедии о святых» М. Кузмина (1907): источники текста. С. 224–240.

Для понимания читателями уверенности автора в точности определения источника комедии — уверенности, которая будет распространена ниже и на другое житие, Мартиниана Кесарийского (Палестинского), в той же редакции в качестве источника уже «Комедии о Мартиниане», следует привести фрагмент, поясняющий принципы поиска житийного источника, из второго вышеуказанного исследования: «В отечественной традиции жития христианских святых известны в трех <основных> вариантах — Великие Четьи Миней (митрополита Макария), Четьи Миней св. Димитрия Ростовского и Пролог (Анфологион).

В то время, когда Кузмин работал над своими комедиями о святых, память которых — 1, 17 марта (Евдокия, Алексей) и 13 февраля (Мартиниан), в России были полностью изданы лишь Четьи Миней св. Димитрия Ростовского. В печатном издании с житиями в редакции Великих Четых Миней митрополита Макария можно было ознакомиться лишь частично; во всяком случае, тексты житий, относящихся к февралю и марту <за вычетом 26–31 марта>, так и остались неизданными до сих пор: в свое время их выпуску помешала Первая мировая война. Следовательно, в период сочинения комедий о трех святых Кузмин — помимо Четых Миней св. Димитрия Ростовского — мог без особых затруднений воспользоваться только текстами житий в редакции Пролога, что упростило наш поиск.

Для определения источника комедий было достаточным отыскать такие фрагменты житийного текста, которые, будучи процитированными в тексте комедий, отсутствовали бы в других редакциях соответствующего жития или встречались бы в них в видоизмененной — относительно житийного текста-источника — форме. В случае отыскания таких фрагментов остальные цитаты, которые могли бы отсылать нас к различным редакциям житийного текста как возможным источникам текста комедий, так как эти редакции во многом совпадают друг с другом, — лишь укрепляли бы нас в окончательном определении.

Корректное и доказательное уточнение источника стало возможным на материале текста «Комедии о Алексее человеке Божьем».

Резоны для этого были следующие.

В приложении к исследованию В. П. Адриановой “Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности” (Пг., 1917) приведены все без исключения редакции жития св. Алексея. Это обстоятельство позволило нам провести контрольный анализ текста этого жития и в редакции митрополита Макария без обращения к его рукописным спискам.

Много лет спустя при анализе содержания рабочей тетради 1900-х годов <ИРЛИ, ф. 172, ед. хр. 321. — А. Т.>, не имеющей авторского оглавления, нам встретились подготовительные выписки Кузмина, сделанные при работе над “комедиями”. Хотя конспектирующий почерк Кузмина был не всегда разборчив, оказалось возможным расшифровать эти записи почти в полном объеме. Благодаря их изучению мы получили документальное подтверждение того, что внимание автора при работе с текстом-источником было направлено в том числе и на такие детали житийного текста, которые могли быть извлечены только из житий в редакции св. Димитрия Ростовского» (Там же. С. 218–219).

⁶ ОРиРК СПбГТБ, I / К–89, № 80321.

⁷ Подробнее см.: *Конечный А. М. и др.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 127–130.

⁸ См. письмо режиссера, драматурга, сотрудника журнала «Золотое руно» А. П. Воротникова к Кузмину от 27 ноября 1907, содержащее сообщение о начале «разработки постановки “Комедии о Мартиниане”» (РНБ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1001, л. 1). Также: *Кузмин М.* Театр. [Кн. 2]. С. 315.

⁹ См.: Там же. С. 317.

¹⁰ *Вл. С. <Соловьев В. Н.>*. Петербургские театры // Аполлон. 1916. № 9–10. Ноябрь–Декабрь. С. 93.

¹¹ Об отношении Кузмина к современности и ретроспективизму в искусстве, которое окончательно сформировалось позднее и было неоднократно сформулировано в статьях 1918–1926, см.: *Тимофеев А. Г.* «Память» и «археология»-«реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М. А. Кузмина // Блоковский сб.: [Вып.] X. Блок и русский символизм: проблемы текста и жанра. Тарту, 1990. С. 101–115. (Уч. зап. ТГУ. Вып. 881).

¹² *Кузмин М.* О прекрасной ясности: заметки о прозе // Аполлон. 1910. № 4. Январь. С. 9. (1-я паг.).

¹³ *Тимофеев А. Г.* «Комедии о святых» М. Кузмина (1907): источники текста. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 234.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Там же. С. 241–242.

¹⁷ См.: ИРЛИ, ф. 172, ед. хр. 321, л. 95 об.–96; 97.